

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»



ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
10 февраля 2015 г.**

**Уфа
АЭТЕРНА
2015**

УДК 00(082)
ББК 65.26
В 33

Ответственный редактор:
Сукиасян А.А., к.э.н., ст. преп.;

В 33 ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА:
сборник статей Международной научно-практической конференции (10 февраля 2015 г., г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2015. – 42 с.
ISBN 978-5-906790-14-9

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции **«ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»**, состоявшейся 10 февраля 2015 г. в г. Уфа.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 00(082)
ББК 65.26

ISBN 978-5-906790-14-9

© Коллектив авторов, 2015
© ООО «Аэтерна», 2015

ПРАВО НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ КАК КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Конституция Российской Федерации и международно-правовые акты предусматривают необходимость создания законодательных, организационных и финансовых гарантий оказания юридической помощи малоимущим гражданам Российской Федерации и иным социально уязвимым слоям населения. Современный этап развития российского законодательства позволяет приступить к комплексному решению проблем законодательного регулирования юридической помощи малоимущим гражданам. В настоящее время существует Федеральный закон от 21 ноября 2011г. N 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации", призванный не только создать законодательную базу оказания такой помощи, но и организационно выстроить систему государственного управления в данной сфере[1].

Одним из основных конституционных прав человека является право на доступ к правосудию. Право на получение квалифицированной юридической помощи является не только самостоятельным правом, но и составляет существенный аспект доступа к правосудию. Конституция Российской Федерации (ст. 48) гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, согласно Конституции Российской Федерации юридическая помощь оказывается бесплатно[2]. Кроме того, следует иметь в виду, что из конституционных принципов социального государства вытекает необходимость обеспечения гарантиями социальной защиты, в том числе при оказании юридической помощи, социально уязвимых слоев и групп населения, включая несовершеннолетних и пенсионеров. Поэтому наряду с проблемой законодательного регулирования полностью бесплатной юридической помощи, как представляется, имеет свое конституционное обоснование и потребность в регламентации гарантий юридической помощи и иных форм правовой помощи или правового содействия представителям социально уязвимых слоев населения. Конституция РФ также дает принципиальное направление и определению уровня правовой системы, на котором должна осуществляться законодательная регламентация юридической помощи социально уязвимым группам.

Принципы федерализма обуславливают необходимость установления общегосударственных гарантий реализации конституционных прав человека и гражданина. Поэтому общие принципы государственной системы бесплатной юридической помощи и основные гарантии ее реализации устанавливаются федеральным законодательством, а дополнительные права и гарантии могут определяться на уровне законодательства субъектов Российской Федерации. Поскольку вопросы адвокатуры и нотариата относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации, гарантии бесплатной юридической помощи, оказываемой через институты адвокатуры и нотариата, также должны в своих основных чертах регламентироваться на федеральном уровне, а дополнительно – на региональном уровне[1].

Следует отметить, что в целом конституционные нормы к настоящему времени нашли определенное воплощение в законодательстве Российской Федерации. В то же время по

ряду вопросов законодательное регулирование сферы оказания квалифицированной юридической помощи в России не способствует действительно эффективной реализации указанных конституционных принципов и норм и не в полной мере соответствует международным подходам и стандартам. Для этого необходимо принять соответствующие нормативно-правовые акты, направленные на решение данных вопросов, а также дополнить положения существующих законов.

Список использованной литературы:

1. О.А.Тарасов Председатель Наблюдательного совета проекта «Совершенствование доступа к правосудию», референт Государственно-правового управления Президента РФ, кандидат юридических наук / URL: http://ilpp.ru/files/01-03_Tarasov.pdf (дата обращения: 5.12.2014).
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 30.12.2008)// Консультант плюс (дата обращения: 5.12.2014).

© Р.Н. Абдрахманов, 2015

УДК 347.455

В.А.Басов

студент 4 курса Юридического института
имени М. М. Сперанского Владимирского Государственного
Университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОГОВОРА ЗАЙМА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Согласно статье 813 ГК РФ «При невыполнении заемщиком предусмотренных договором займа обязанностей по обеспечению возврата суммы займа, а также при утрате обеспечения или ухудшении его условий по обстоятельствам, за которые займодавец не отвечает, займодавец вправе потребовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов, если иное не предусмотрено договором» [2].

Из смысла статьи следует, что в любом случае, независимости от наличия или отсутствия вины заемщика при утрате при утрате обеспечения или ухудшения его свойств займодавец при отсутствии его вины в произошедшем имеет права требовать досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов. Это означает, что в случае невыполнения взятого на себя обязательства или утраты обеспечения в связи с обстоятельствами непреодолимой силы заемщик в любом случае досрочно, то есть по факту в срок указанный займодавцем, будет обязан вернуть сумму займа и выплатить причитающиеся проценты. На наш взгляд, при подобном подходе не учитываются интересы заемщика. В силу независимости от заемщика причин обеспечение может быть утрачено, он может находиться в тяжелом материальном положении, и при этом будет обязан досрочно вернуть сумму займа, которая уже могла быть потрачена и ко всему прочему будет обязан в срок указанный займодателем выплатить проценты по договору, которые в свою очередь могут быть очень высоки. На наш взгляд, данное положение закона: во-первых делает позицию заемщика более уязвимой, поскольку не смотря на совершения всех оговоренных правомерных действий с его стороны он подвержен

рisku, в связи с тем, независимо от его действий от него при определенных обстоятельствах могут потребовать досрочного исполнения договора займа и выплаты причитающихся процентов, во-вторых устанавливают безвиновную ответственность заемщика, что является крайней правовой мерой, применение которой уместно в ситуации, когда пусть и безвиновное правонарушение с высокой долей вероятности нанесет серьезный ущерб общественным интересам: компенсация ущерба, причиненного источником повышенной опасности и в иных требующих особой правовой защиты случаях, но не может быть оправдано применительно к обычным договорным отношениям [1, с. 37].

В силу вышеизложенного, мы считаем целесообразным предоставить займодавцу право требовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты в порядке статьи 813 только в том случае, если в действиях заемщика усматривается умысел или неосторожность. Однако в данном случае речь может идти только о заемщике, который заключил договор займа в целях отличных от ведения предпринимательской деятельности. Если же заемщик заключил договор займа в целях ведения предпринимательской деятельности то займодателю должно быть предоставлено право потребовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов, независимо от его вины. Мы придерживаемся это позиции в силу того, что согласно закону предпринимательская деятельность осуществляется на своей страх и риск. Следовательно, лицо, осуществляющее эту деятельность, должно было принимать в расчет риски связанным с возможной утратой обеспечения или возможным ухудшением его условий по договору займа. На основании этого считаем необходимым выделить в структуре статьи 813 ГК РФ две части и сформулировать часть первую данной статьи следующим образом: «При невыполнении заемщиком, заключившим договор займа, заключенного в целях личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью, предусмотренных договором займа обязанностей по обеспечению возврата суммы займа, а также при утрате обеспечения или ухудшении его условий при наличии его вины по обстоятельствам, за которые займодавец не отвечает, займодавец вправе потребовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов, если иное не предусмотрено договором».

Часть вторая статьи 813 ГК РФ сформулировать следующим образом: «Если заемщик заключил договор займа в целях, связанных с ведением предпринимательской деятельности при невыполнении им обязательств по обеспечению возврата суммы займа, предусмотренных договором займа, а также при утрате обеспечения или ухудшении его условий, займодавец вправе потребовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов вне зависимости от его вины, если иное не предусмотрено договором».

Список использованной литературы:

1. Азми Д.М. Концепция безвиновной ответственности: содержание, трактовки, оценка// Законодательство и экономика. 2011. N 7. С. 34 - 44.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // "Российская газета", N 23, 06.02.1996, N 24, 07.02.1996, N 25, 08.02.1996, N 27, 10.02.1996.

© В.А. Басов, 2015.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Российское государство всегда отличалось от других стран собственным путем развития, в том числе и в сфере законодательного регулирования общественных отношений. Отличительной чертой России было то, что основы условного осуждения не были заимствованы у зарубежных стран, обладавших различными его формами. Юридический быт России складывался из различного рода обычаев, ритуалов, действий, правил и органов, с помощью которых осуществлялась правовая деятельность [1]. Российские ученые не имели единой точки зрения на правовую природу условного осуждения. Одни видели в нем своеобразный вид наказания, другие – меру социальной охраны, третьи считали его помилованием, четвертые определяли его как «погасительную приостановку карательной деятельности государства» [2].

Впервые официальное коллективное обсуждение этого предложения состоялось в ходе проведения подготовительных работ к тюремному Конгрессу 1890г. в пенитенциарной комиссии Санкт-Петербургского юридического общества. Несмотря на существование научно разработанной основы института, его сторонникам не удалось положительно решить вопрос о его введении в проект Уголовного Уложения 1903г. Впоследствии указанная идея отстаивалась в 1905г. на V съезде русской группы международного союза криминалистов. Исключительно историческое значение имеет проект, принятый Государственной Думой в 1909г. Проект остался неосуществленным, однако, полагаем, необходимо в сжатых чертах обозреть его содержание как попытки ввести институт условного осуждения в действующую законодательную базу. Думается, проект интересен и тем, что его принятие, с учетом состояния уголовной юстиции того времени, явилось бы грандиозным шагом вперед.

Итак, проект об условном осуждении представлял собой разработанный законодательный акт, состоящий из 17 статей, подробно указывающих порядок применения этой меры. Условное осуждение вводилось в форме погасительной отсрочки наказания, вынесенного судом, при условии несвершения условно осужденным новых преступлений в течение определенного срока. Применялось к лицам, приговоренным к денежной пене или взысканию не свыше 500 рублей, приговоренным к заключению в тюрьму или крепости на срок не свыше 1 года 4 месяцев. В проекте не указывалось никаких субъективных предпосылок, при которых применение условного осуждения являлось бы целесообразным, но указывался подробный перечень случаев, в которых эта мера не могла быть назначена судом.

В перечень вошли: рецидивисты – лица, ранее осужденные к наказанию свыше 1года 4 месяцев тюрьмы или крепости за умышленные преступления, и лица, совершавшие ранее однородные или тождественные преступления, хотя они были освобождены от наказания, если только со времени осуждения или отбытия наказания прошло не более 5 лет; лица, совершившие преступления по туеядству или праздности или по привычке к преступной деятельности или вследствие обращения ее в промысел, как не дающие уверенности в том,

что такая отсрочка окажется для них достаточным сдерживающим средством; лица, при обвинении в похищении лошадей; лица, при осуждении за преступления, преследуемые в частном порядке и допускающие примирение [3].

Условия отсрочки в проекте не определялись. Общим, естественно подразумеваемым условием, было обязательство несвершения новых преступлений. В статье 8 упоминалось, что в качестве условия может быть также обязанность выплаты вознаграждения потерпевшего за вред, причиненный преступлением, причем, если осужденный принял на себя такое обязательство, то неисполнение назначенного в течение испытания, если это не было вызвано независимыми от него обстоятельствами, могло влечь за собой приведение отсроченного наказания в исполнение. Точно фиксировалась в законе продолжительность отсрочки: 3 года при присуждении к аресту или денежной пене; 5 лет в остальных случаях [4].

Ни надзора, ни ограничений в свободе передвижения, обязанности регистрации, сообщения осужденного о своем поведении отсрочка не влекла. Не допускалось применение отсрочки при вынесении заочного приговора. При повторении преступлений в течение периода отсрочки проект различал случаи, когда приведение в исполнение для суда было обязательным и когда оно было факультативным. Обязательные поводы к отмене – при совершении лицом преступления, тождественного с прежним, либо по туеядству, либо по промыслу, преступление, повлекшее наказание с отбытием в тюрьме. Факультативные поводы - совершение преступлений меньшей тяжести, невознаграждение потерпевшего. Таким образом, законодательного оформления институт условного осуждения в дореволюционное время не получил, в советский период он получил многоэтапное развитие.

Список использованной литературы:

1. Кобец П.Н. Совершенствование механизма условного осуждения в современной России. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. М., 2009 – № 4.
2. Кобец П.Н. Правовая природа института условного осуждения в Российской Федерации. Россия в период кризиса: социально-экономические и гуманитарные проблемы. Сборник научных трудов / Под ред. Проф. В.В. Галкина. Вып. 2. – Воронеж: ЦНТИ, 2010.
3. Люблинский П.И. Условное осуждение в иностранном и советском праве. М. 1924г.
4. Краснова К.А., Кобец П.Н. Опыт и проблемы института условного осуждения в Российской Федерации. Мировой судья. М., 2009 № 7.

© П.Н. Кобец, 2015

УДК 347.191

М.С. Курина, Студентка 3 курса Института Права
Волгоградский государственный университет, Г. Волгоград, Российская Федерация
Научный руководитель: Т. Л. Цыццылина
к.ю.н. доцент кафедры «гражданского и международного частного права»
Волгоградский государственный университет, Г. Волгоград, Российская Федерация

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ПОНЯТИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Особый интерес в свете последнего реформирования гражданского законодательства о юридических лицах вызывает вопрос о развитии понятия юридического лица.

Юридическое лицо – это одно из основных форм коллективного участия граждан в общественных отношениях, который претерпел существенные изменения с течением времени.

Наряду с гражданами (*cives Romani*), чужеземцами (*peregrini*) и другими физическими лицами, в Древнем Риме существовали различные коллективные образования и организации, обладающие нераздельным, обособленным имуществом (частные корпорации, коллегии), выступающие в гражданском обороте от собственного имени, существование которых в принципе не зависит от изменений в составе их участников. [1]

Н.С. Суворов отмечает, что другого разряда лиц, как субъектов частного права, наряду с физическими лицами, т.е. людьми, римская научно-юридическая систематика не знала. Вместе с тем указывал, что иногда римские юристы, косвенно или даже прямо, называли лицом удобный субъект, не совпадающий с личностью естественного человека.

Начало правового оформления юридического лица относится к периоду средневековья. Было расширено понятие «лица», которое относилось не только к человеку, но и к корпорации, а также проведено разграничение данного понятия между субъектом права и реальным человеком. [2]

Бурное развитие экономики середины - конца XIX века дало мощный импульс развитию учения о юридических лицах.

Так, в российской доктрине гражданского права существовало определение профессора Казанского и Московского университетов Г. Ф. Шершеневича: «... под именем юридического лица понимается все то, что, не будучи физическим лицом, признается со стороны закона способным, ввиду определенной цели, быть субъектом права». [3]

Из этого определения можно сделать вывод, что, юридическое лицо - это субъект, лишенный личностного начала и осуществляющий какую-либо деятельность в виду наличия цели. Однако в данное время наличие имущества не являлось существенным признаком юридического лица.

После революции 1917 года законодательство Российской Империи утратило силу, и первое определение юридического лица было нормативно закреплено в ст. 13 ГК РСФСР 1922 года. Так, юридическими лицами признавались объединения лиц, учреждения или организации, которые могут, как таковые, приобретать права по имуществу, вступать в обязательства, искать и отвечать в суде. [4]

Из данного определения можно выделить три основных признака, которые характеризуют юридическое лицо: форма юридической личности (организационное единство), самостоятельное участие в гражданском обороте и самостоятельная возможность отвечать по своим обязательствам в суде.

Законодательство второй половины периода существования Советского Союза также содержало определение юридического лица. Так в ГК РСФСР 1964 года Юридическими лицами признаются организации, которые обладают обособленным имуществом, могут от своего имени приобретать имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде, арбитражном суде или в третейском суде. [5]

Таким образом, законодатель обозначил еще один признак юридической личности – имущественную обособленность.

Развитие понятия юридического лица происходит и сейчас под воздействием постоянно усложняющихся экономических отношений.

До 2014 года юридическим лицом признавалась организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. [6]

Из этого следует, что определение по своей сути не отличается от определения юридического лица в законодательстве РСФСР, т.к. сохраняет все признаки, выработанные в ГК РСФСР 1964 года.

В Федеральном законе от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» уточняется понятие юридического лица, оно изложено лаконичнее чем ранее, убраны такие излишне сложные формулировки, как, например, «имущественные и личные неимущественные права».

Так, под юридическим лицом понимается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, а также может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и исполнять гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (п. 1 ст. 48 ГК РФ в редакции Закона N 99-ФЗ).

В новой норме не уточняется форма владения, пользования и распоряжения имуществом.

Таким образом, можно сделать вывод, несмотря на сокращение понятия, о том, что основные признаки юридического лица были сохранены – это наличие обособленного имущества и возможность отвечать им по своим обязательствам, приобретение и осуществление от своего имени гражданских прав, а также нести гражданские обязанности, юридическое лицо может быть истцом и ответчиком в суде.

В данных изменениях можно проследить тенденцию упрощения с целью сделать определение более понятным для лиц, намеренных создать юридическое лицо, т.к. данная форма ведения бизнеса становится наиболее популярной, и, гражданам, которые не обладают особыми юридическими знаниями, должно быть понятно, какой смысл вложил законодатель в определение юридического лица.

Список использованной литературы:

1. Смирнов Н.Н. Институт юридического лица в Римском праве // Пробелы в российском законодательстве – 2011 – Вып. 2. – С. 253
2. Стукалова Ю.В. Античная и средневековая правовая мысль как этапы развития теории юридического лица // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. Том 7 – 2007 – Вып. 25. – С. 38
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. С. 550.
4. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. // М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
5. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 24.12.1992)
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, N 30, ст. 4078

© М.С. Курина, 2015

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА - ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Решение правовых проблем возникающих в сфере интеллектуальных прав не теряет своей актуальности уже на протяжении нескольких десятилетий. Актуальность решения этих проблем не только не теряется, но и возрастает. Это происходит в связи с процессом информатизации всего мира, возрастающей ролью информации, поскольку в этих условиях развития информационной сферы усложняется защита интеллектуальных прав.

Правовые проблемы в исследуемой сфере являются предметом международного правового регулирования. Для решения некоторых проблем были заключены ряд международных договоров. Россия участвует в следующих договорах: Парижская, Бернская, Стокгольмская, и ряд соглашений, регулирующие определенные отношений в сфере интеллектуальных прав. Также, с недавнего времени Российская Федерация является членом ВТО, а для возможности данного членства необходимо было реализовать ряд мер и в сфере защиты интеллектуальных прав, таких как увеличения срока защиты авторских прав.

Кроме международного законодательства, до введения в действия четвертой части Гражданского кодекса, правоотношения в сфере интеллектуального права регулировались национальным законодательством. Например, законом РСФСР «О собственности в РСФСР» в котором указывались объекты интеллектуальной собственности [1], законом «О товарных знаках», законом «Об авторском праве и смежных правах» и рядом других НПА.

Несмотря на обилие нормативной базы, существовало множество неразрешенных проблем в сфере интеллектуального права, которые требовали скорейшего разрешения. Для реализации этой цели Российской Федерации было необходимо провести кодификацию законодательства, результатом

которой стала четвертая часть Гражданского кодекса Российской Федерации.

В связи с ее введением положительно изменилась правоприменительная практика. Правоохранительные органы стали чаще отслеживать соблюдение интеллектуальных прав. Введение четвертой части кодекса стало важным шагом в решении множества проблем в сфере интеллектуальных прав. Например, Гражданский кодекс ввел закрытый перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Также в области регулирования лицензионных договоров часть четвертая ГК РФ ввела унифицированные нормы и унифицированную терминологию, которые касаются заключения лицензионных договоров для различных объектов находящихся под охраной.

Одним из главных нововведений стало то, что теперь все способы защиты гражданский прав могут применяться и для интеллектуальных прав. Кроме того были введены и не специфические способы защиты, такие как компенсация за нарушение гражданских прав (заменившая взыскание убытков).

Важные вопросы были решены в области средств индивидуализации юридического лица. Например, в отношении фирменных наименований в новой редакции ГК РФ закреплено их изъятие из передаваемого по договору коммерческой концессии комплекса исключительных прав. Еще одним нововведением стало расширение возможности охраны прав на фирменное наименование. Это подтверждается и судебной практикой.

Практически во всех делах, связанных со спорами о фирменных наименованиях, суды выносят решения [2] в пользу организации ранее других зарегистрировавших фирменное наименование, исключая возможность неправомерного использования фирменного наименования в целях выгоды.

Тем не менее, остается ряд неурегулированных проблем, таких как вопрос о применимости к ответственности за бездоговорное нарушение исключительных прав главы 59 ГК РФ. А также защита произведений и фонограмм, поскольку еще сохраняется значительный объем пиратской продукции на рынке. Кроме того этот объем многократно возрастает при попадании авторских произведений и фонограмм в сеть интернет, где даже в порядке [3] предусмотренным ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» правообладатели не в состоянии отследить распространение охраняемых объектов в цифровых сетях и их использование. Это происходит в связи с необязательностью виртуального пространства и незаинтересованности в охране интеллектуальных прав большей части пользователей интернета.

Кроме этого ряда нерешенных проблем действительности существует ряд новых, еще абсолютно не урегулированных в России проблем в сфере интеллектуального права. Одной из таких проблем является возможность патентования человеческих генов. Хотя речь пока и не идет о геноме человека как вида. Тем не менее, по информации Американского союза гражданских свобод, около 20% генома человека уже запатентованы. В США уже с десяток лет существует подобная практика, и скоро она может стать действительностью и в России. Недавно верховный суд США запретил патентование генов.

Еще одной проблемой будущего являются новые доменные имена верхнего уровня, которые несут огромные возможности для компаний, работающих в интернете, но и опасности в виде киберскоттеров. Эта проблема потребует скорой принятий мер защиты в законодательстве.

Также существенной проблемой в сфере интеллектуальных прав становится необходимость охраны программного обеспечения для мобильных устройств. Дело в том, что найти нарушение в бесчисленном множестве приложений устанавливаемых на мобильные устройства почти невозможно. Это происходит еще и потому, что нарушение может быть на разных уровнях - в названии программы, когда сама программа нарушает права, или в самой программе, где используются чужие разработки. Законодательно будет очень сложно, но одновременно необходимо предусмотреть средства защиты в данной области.

Итак, правовые проблемы в сфере интеллектуального права в России разрешены лишь частично. Безусловно, необходимо продолжать законодательную деятельность в этой сфере. На мой взгляд, для решения ряда проблем необходимо применять более мягкие меры. Например, снижение стоимость лицензионной продукции или же защита авторских произведений до их выпуска в серийное производство. Необходимо также повышать общую культуру потребления, и этот шаг может стать основополагающим шагом в решении проблем интеллектуального права. Решения проблем в сфере интеллектуального права должно быть одним из важнейших направлений государственной правовой и экономической политики России, потому что практически не остается сомнений в том, что правовое регулирование развития глобальных информационных сетей станет одним из приоритетных направлений развития законодательства в наступившем веке.

Список использованной литературы:

1. Закон РСФСР от 24.12.1990 N 443-1 «О собственности в РСФСР»//«Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР» –1990. – N 30 – ст. 416.

2.Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 20.05.2013 по делу NA27- 10182/ 2012// URL:[http:// base.consultant.ru/ cons/ cgi/ online.cgi? req= doc;base= AZS;n= 110248](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AZS;n=110248) (дата обращения:07.02.2015).

3.Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»//«Собрание законодательства РФ» – 2006. – N 31 (1 ч.) – ст. 3448.

©В.И.Липендин, 2015

УДК - 347.5

В.А. Максимов, преподаватель, кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский университет МВД России

СУБЪЕКТЫ, ОТКЛИКНУВШИЕСЯ НА ПУБЛИЧНО ОБЪЯВЛЕННУЮ НАГРАДУ ОВД ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ ИЛИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ, РОЗЫСКА ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ, ДОЗНАНИЯ, СУДА

Основное условие действительности публичного обещания награды, как односторонней сделки, предполагает выражение воли одной стороны. В рамках нашего исследования ей являются органы внутренних дел Российской Федерации (далее - ОВД). Однако, для того, чтобы награда была выплачена, необходимо сообщение третьими лицами информации, за которую была обещана награда.

Таким образом нами определено, что при рассмотрении конкретных правоотношений имеются два вида субъектов:

- ОВД, который публично объявляет о награде за предоставление сведений, имеющих значение в связи с выявлением, раскрытием или расследование противоправного деяния, розыском лиц, скрывающихся от следствия, дознания, суда или без вести пропавших - "призвавший" субъект;
- Лицо, отозвавшееся на данное объявление о награде за предоставление сведений, имеющих значение в связи с выявлением, раскрытием или расследование противоправного деяния, розыском лиц, скрывающихся от следствия, дознания, суда или без вести пропавших - "отозвавшийся" субъект;

Рассмотрим ту категорию лиц, которая может откликнуться на данное обещание. По мнению автора, лишь физические лица могут являться таковыми. Объясняется это тем, что юридическое лицо – абстрактная категория, и оно не наделено качествами физического лица, т.е. не обладает сознанием, разумом и органами чувств. К тому же необходимо отметить, что специфика деятельности ОВД подразумевает работу лишь с физическими лицами (даже если определенные мероприятия проводятся с юридическим лицом, его представителем всегда выступает строго определенное физическое лицо), и только физические лица могут выступать в качестве свидетелей, потерпевших и подозреваемых.

Таким образом, юридическое лицо не может расцениваться как субъект, способный выполнить действия, предусмотренные публичным обещанием награды за предоставление сведений, имеющих значение для ОВД.

Понятно, что не все физические лица могут рассчитывать на получение вознаграждения. Чтобы понять, кому может быть выплачено вознаграждение, необходимо обратиться к

вопросам правоспособности и дееспособности физических лиц, с точки зрения гражданского права.

По нашему мнению, следует выделить две группы граждан. Во-первых, это лица, обладающие частичной дееспособностью в возрасте от 14 до 18 лет. Но тут следует сделать оговорку, что сообщать сведения и получать вознаграждение они могут лишь при согласии своих законных представителей. Данное обстоятельство необходимо учитывать при проверке сообщаемых сведений. Во-вторых, это полностью дееспособные граждане, достигшие возраста 18 лет. Однако, из этих двух категорий существуют исключения. Вознаграждение не могут получать следующие лица:

1) лица, которые своим противоправным поведением создали предпосылки для публичного обещания награды – так, не могут претендовать на получение вознаграждения лица, совершившие противоправные деяния или являющиеся соучастниками их совершения;

2) недееспособные граждане, а также лица, чья дееспособность была ограничена по решению суда.

Существует соображение о том, что должностные лица, в служебные обязанности [1] которых входит совершение соответствующих действий, не имеют права на такую награду [2, стр. 345]. Подобную позицию разделяют и некоторые органы прокуратуры. Так, например, 4 апреля 2005 года прокуратура Краснодарского края официально рекомендовала ОАО «Кубаньэнерго» отменить раздачу наград победителям проводимого им конкурса среди участковых милиционеров «Расхитителей электроэнергии — к ответу». С точки зрения прокуратуры, публичное обещание награды милиционерам за то, что они должны делать в силу занимаемой должности, противоречит «Закону о милиции» РФ [3].

С подобными мнением мы согласны, но не полностью, ибо считаем что в настоящее время ограничения, закрепленные ч. 2 ст. 29 Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 14.10.2014) "О полиции" и ст. 17 п. 6 Федерального закона от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 02.04.2014) "О государственной гражданской службе Российской Федерации" слишком строго и не объективно регламентируют вопрос получения сотрудниками полиции вознаграждения в связи с осуществлением ими своих служебных обязанностей, за которые дополнительно предусмотрена публичная награда, что не соответствует сложившимся жизненным условиям.

Итак, ч. 2 ст. 29 Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 14.10.2014) "О полиции" гласит - " На сотрудника полиции распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 года N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 года N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации"..."

п. 6 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 02.04.2014) "О государственной гражданской службе Российской Федерации" устанавливает, что " в связи с прохождением гражданской службы гражданскому служащему запрещается: получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения)...."

Перечень запрещенных вознаграждений является не только максимально широким (подарки, денежные вознаграждения, ссуды, услуги, оплата развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения), но и открытым. Этот запрет установлен законодателем для того, чтобы сотрудники полиции не оказывали предпочтения каким-либо лицам на основе семейных, дружеских или иных связей, помимо служебных, не

оказывались обязанными по отношению к организациям, желающим получить от них выгоду в любой форме, но и сами не провоцировали вымогательство взяток.

Запрет получать вознаграждения от физических и юридических лиц в связи с исполнением должностных обязанностей означает наказуемость любых действий по извлечению доходов, выгод имущественного и иного характера, получению услуг за счет создания коллизии служебных и иных интересов.

Но а если коллизия не возникает, не происходит нарушения законности, справедливости, ущемления интересов одного из субъектов правоотношений или интересов государства в целом, как в случае, например, с публичным обещанием награды родственниками потерпевшего за поимку разыскиваемого особо опасного преступника, ведь сотрудники полиции выполняют свои обязанности независимо от того объявлена награда или нет, у них нет права и возможности выбора, они обязаны принять все меры к розыску и поимке преступника.

Более того п. 4. ст. 1055 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит "Обязанность выплатить награду возникает независимо от того, совершено ли соответствующее действие в связи со сделанным объявлением или независимо от него." из чего мы смеем сделать вывод, что обязанность выплатить вознаграждение возникает не только независимо от того знал ли исполнитель об объявлении награды, но и не зависит от того является ли это непосредственно его прямой функциональной обязанностью.

В подтверждение высказанного мнения также хотелось бы привести тот факт, что 22 июня 2014 года в Ленинском районе столицы Чеченской республики полицейский Допаев А. в ходе патрулирования заметил мужчину, внешность и поведение которого привлекли его внимание. Мужчина предоставил полицейскому возможность ее осмотреть, однако, зайдя за спину, тут же достал пистолет и открыл огонь. Глава республики Рамзан Кадыров прокомментировал случившееся на своей страничке в Instagram.- "Я со всей ответственностью заявляю, что поиск убийцы будут вести все сотрудники правоохранительных органов и жители республики. Мразь, поднявшая руку на нашего боевого товарища, не уйдет от наказания. Оно будет самым СТРОГИМ! Я принял решение выделить вознаграждение в сумме 10 млн. руб. тому, кто назовет убийцу и укажет место его нахождения. А тому, кто в случае сопротивления уничтожит бандита, будут вручены орден Кадырова и дорогой подарок. Мы никому не позволим безнаказанно проливать кровь сотрудников полиции и жителей республики"[4].

Поэтому полагаем, что откликнувшимися на обещание награды могут быть и те, кто обязан по службе или в силу закона совершать действия, указанные в публичном обещании награды.

Кроме того, на наш взгляд введение в практическую деятельность такого института как публичное обещание награды за предоставление сведений, имеющих значения для МВД России, поимку особо опасного преступника, розыск безвести пропавшего лица позволит стать ему также эффективным средством предупреждения коррупции, поскольку оно будет препятствовать злоупотреблениям, сопряженным с получением выгод и привилегий путем использования служебного положения, и наоборот - стимулировать посредством привлечения частных источников финансирования активную деятельность соответствующих должностных лиц при осуществлении ими своих служебных обязанностей, увеличивать их материальное благосостояние, экономическую независимость и материальное благополучие и, как следствие, престиж профессии в целом.

И действительно, ни у кого не вызывает сомнения в возможности сотрудника полиции вернуть за вознаграждение утерянную вещь, например собаку или кошку, так почему и на каком основании он должен быть ограничен в возможности получить материальное

вознаграждение или какую-либо иную награду за поимку преступника или раскрытие хищения, если об этом добровольно и публично заявлено заинтересованным частным субъектом гражданских правоотношений, ведь сотрудник полиции, хоть и специальный субъект гражданско-правовых отношений в силу осуществляемой им деятельности, но никоим образом не ограничен как и любое иное физическое лицо при осуществлении своих правомочий в данных правоотношениях.

Возможно, для более правильного, объективного и прозрачного распределения награды при данных обстоятельствах следует рассмотреть вопрос о передаче вознаграждения непосредственно в сам орган полиции, где проходит службу тот или иной сотрудник, с дальнейшей ее выплатой ему в том или ином объеме или распределением награды между всеми отличившимися сотрудниками. Ведь в большинстве случаев раскрытие и расследование преступления является заслугой не отдельно взятого сотрудника полиции, а целого коллектива. В любом случае, данный вопрос требует более детальной регламентации соответствующими ведомственными нормативными актами.

Тем не менее следует дифференцировать осуществление тех или иных действий сотрудника полиции, так, например, предоставление информации для третьих лиц может явиться уже нарушением действующего уголовного законодательства, так как будет составлять сведения не подлежащие разглашению и напрямую данный запрет предусмотрен, а передача разыскиваемого лица, подозреваемого в убийстве, родственникам убитого - преступлением.

Как показывает практика, многие граждане не ориентируются в вопросах публичного обещания награды за предоставление сведений, имеющих значения для МВД России, поимку преступника, розыск безвести пропавшего лица в силу отсутствия широкого применения данного института в практической деятельности правоохранительных органов.

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы.

Во-первых, исключить возможность получения вознаграждения лицами, которые своим противоправным поведением создали предпосылки для публичного обещания награды, и, возможно, предусмотреть ответственность для них.

Во-вторых, предусмотреть обязанность выплаты вознаграждений сотрудникам полиции за совершения действий, объявленных в публичном обещании награды, несмотря на то, что данные действия входят в их должностные обязанности.

В-третьих, выплаты вознаграждений должны проводиться лишь обозначенным категориям граждан после тщательного анализа предоставленных сведений и оценки их значимости для раскрытия или расследования противоправного деяния, поимки лица, скрывшегося от следствия, дознания, суда или без вести пропавшего .

Список использованной литературы:

1. См. подробнее: постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: В 3 т. / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2011 (автор комментария - О.А. Рузакова) // СПС "КонсультантПлюс: Комментарии Законодательства".

2. Гражданское право: В 2 т. Том II. Полутом 2. Отв. ред. Е. А. Суханов. – М., БЕК, 2000. 704 с.

3. См.: Газета «Коммерсант». 5 апреля 2005 г.

4. <http://lifenews.ru/news/135457>

5. Максимов В.А. Право хозяйственного ведения субъектов системы МВД России: Автореф. дис.... канд. юрид. наук . СПб, 2007. 22 с.

6. Смирнов В.И., Желонкин С.С. Историко-правовое развитие учения о сделках, как одним из юридических факторов // Современная наука. 2010. № 3. С. 43-47.

7. Желонкин С.С. О противоправности и непропорциональности действия, образующего состав недействительной сделки // Мир экономики и права. 2009. № 38. С. 38

© В.А. Максимов, 2015

УДК 343

О.В. Поликашина

Доцент кафедры уголовно-правовых

дисциплин,

Московский педагогический

государственный университет,

г. Москва, Российская Федерация

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

При расследовании уголовного дела допрос занимает центральное место в системе других следственных действий. Допрос на стадии предварительного расследования – это комплекс предусмотренных уголовно-процессуальным законом операций по получению от лица сведений, имеющих значение для расследуемого дела.

01 января 2015 года вступили в силу некоторые изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, которые регулируют порядок допроса несовершеннолетнего при расследовании уголовного дела.

С 01.01.2015 года ч. 1 ст. 191 УПК РФ действует в следующей редакции:

«При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно».

При этом у лица, производящего расследование, появляется выбор, кого пригласить для участия в следственном действии: педагога или психолога. Этот выбор, конечно же, будет зависеть от следственной ситуации, сложившейся по уголовному делу. Если расследование уголовного дела протекает бесконфликтно, у несовершеннолетнего потерпевшего не возникает трудностей при даче показаний, можно порекомендовать приглашать педагога.

Согласно ст. 2 ФЗ № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 года и п. 62 ст. 5 УПК РФ, педагогический работник – это физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению и воспитанию обучающихся.

Как правило, в ходе допросов педагогами решаются следующие задачи: разъяснение подростку его прав и обязанностей, так как иногда они не понятны подростку; адаптация поставленных перед подростком вопросов к особенностям его восприятия, запоминания, мышления, воспроизведения; контроль за правильностью записи показаний подростка в процессуальных документах; оказание подростку помощи в правильном понимании вопросов следователя.

Новеллой уголовно-процессуального законодательства теперь является участие в следственных действиях с участием несовершеннолетнего потерпевшего не только педагога, но и психолога, и не только при допросе несовершеннолетнего потерпевшего, но и при проведении других следственных действий, например, таких как очная ставка.

Следственная практика, конечно же, знает случаи привлечения психолога к участию в следственных действиях с участием несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Теперь же его участие при проведении следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим становится вполне законным.

Кто такой психолог? Это специалист со специальным образованием, который изучает недоступные для внешнего наблюдения структуры и процессы, с целью объяснить поведение человека и животных, а также особенности поведения отдельных людей, групп и коллективов [3; с. 12].

Мы считаем, что присутствие психолога очень важно при допросе несовершеннолетнего. Одна из основных задач психолога – психологическое обеспечение контакта между ребенком и следователем. Нередко допрос является для несовершеннолетнего стрессовой ситуацией. Нам не раз приходилось видеть, что подросток боится допроса, испытывает состояние страха, напряжение, волнение. Иногда, слушая слова следователя, он их не слышит. Если подросток находится в состоянии страха, от него легко получить показания не о том, что было на самом деле, а о том, что хочет услышать должностное лицо.

Как мы считаем, психологический контакт – это такая модель взаимоотношений между следователем и допрашиваемым лицом, когда они проявляют интерес друг к другу и готовность к общению и восприимчивы информации, которая от них исходит. Это означает, что, с одной стороны, следователь или дознаватель заинтересованы в общении с подростком не только с целью получения от него информации по делу, но и то, что им интересен несовершеннолетний сам по себе, с его проблемами, страхами.

Формирование контакта с несовершеннолетними имеет некоторые особенности. Дети отличаются психологической незащищенностью, поэтому они особенно нуждаются в гуманном и тактичном обращении. Общение с застенчивыми, трудно вступающими в контакт подростками не следует начинать с прямого обращения с ним. Ребенку необходимо время, чтобы освоиться с новой для него обстановкой, присутствием незнакомых людей. Поэтому разговор лучше начинать не с ребенком, а о ребенке с сопровождающим его лицом или педагогом, постепенно вовлекая в разговор и ребенка, как бы уточняя то, что говорится о нем. Когда контакт с ребенком не складывается, можно прибегнуть к приему, основанному на многочисленных наблюдениях психологов и педагогов о том, что дети часто заинтересовываются людьми, не обращающими на них внимания, и, привыкнув к их присутствию, сами начинают пытаться вступить с ними в общение [1; с. 23-24]. В подобных случаях следователь может заняться или сделать вид, что занимается своими делами, не имеющими к ребенку никакого отношения, в то время как с ребенком разговаривает педагог или сопровождающее его лицо.

А уж как важно для установления психологического контакта при допросе несовершеннолетнего дополнение ст. 191 УПК РФ частью 4 о том, что «при проведении допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно», которое давно требовало практического внедрения в жизнь. Здесь акцент делается именно на участии психолога, который, во-первых, сможет помочь ребенку выйти из стрессовой ситуации, связанной с насилием над ним, во-вторых, разговорить

подростка, помочь ему вспомнить происходящее, а в-третьих, оказать помощь в даче показаний. Это тем более важно, когда речь идет о неотложных следственных действиях, которые могут проводиться спустя несколько часов после события.

При этом регламентируется время следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, и что особенно ценно, речь идет не только о времени допроса, но и о других следственных действиях.

Следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Применение видеозаписи или киносъемки теперь обязательно в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением тех случаев, когда несовершеннолетний свидетель или потерпевший либо его законные представители против этого возражают. Материалы видеозаписи или киносъемки должны храниться при уголовном деле (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

Обязательное требование о применении средств технической фиксации в ходе допроса несовершеннолетнего должно положительно сказаться на процедуре расследования дела. Это делается, прежде всего, чтобы с одной стороны не подвергать ребенка допросу в суде зачастую уже спустя длительное время после пережитого события, а с другой – зафиксировать показания ребенка непосредственно после преступления. Основными преимуществами использования видеозаписи являются:

- видеозапись позволяет более точно по сравнению с письменным протоколом зарегистрировать показаний ребенка, включая регистрацию его невербального поведения (эмоциональные реакции ребенка, особенности его мимики, жестов);
- видеозапись позволяет сократить число допросов несовершеннолетнего в ходе расследования уголовного дела, а также позволяет проводить судебные заседания без участия несовершеннолетнего [2; с. 22].

Еще одно нововведение, которое не может остаться без внимания. Согласно ч. 3 ст. 191 УПК РФ, следователь вправе не допустить к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и (или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. В этом случае следователь должен обеспечить участие в допросе другого законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

Особенно это является актуальным по делам о жестоком обращении с детьми со стороны родителей или лиц, их заменяющих. Практике известны случаи, когда ребенок, из страха, боясь мести со стороны родителей, давал ложные показания.

Таким образом, изменения, внесенные в УПК РФ в части, касающейся допроса несовершеннолетнего, могут тактически облегчить проведение допроса с участием несовершеннолетнего, а участие психолога сыграет существенную роль в установлении психологического контакта между несовершеннолетним и лицом, производящим расследование по делу.

Список использованной литературы:

1. Коченов М.М, Осипова Р.Н. Психология допроса малолетних свидетелей. М., 1984.
2. Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия. СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи Детям», 2014.

УДК 342.9

Е.А. Супонина

старший преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
кандидат юридических наук, доцент
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫМ ДЕЯНИЕМ?

Необходимость комплексного исследования сущности административного правонарушения предопределена его определяющей ролью в структуре российского административно-деликтного права. Согласно действующему в настоящее время КоАП РФ [1], административное правонарушение – это противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Анализ данного понятия позволяет выделить, по крайней мере, три однозначно трактуемых отечественными административистами понятия: противоправность, виновность и наказуемость.

Противоправность представляет собой нормативную закрепленность административного правонарушения в качестве такового в КоАП РФ или законе (кодексе) того или иного субъекта Российской Федерации.

Виновность состоит в осознанном отношении субъекта к своему деянию в форме умысла или неосторожности. Причем, виновность в озвученном аспекте характеризует субъект – физическое лицо. Виновность юридического лица, не способного к психическому отражению объективной действительности, определяется иным образом. Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения только в том случае, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения тех правил и норм, за нарушение которых установлена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все достаточные меры по их соблюдению.

Наказуемость, как признак административного правонарушения, проявляется в наличии в санкциях административно-правовых норм Особенной части КоАП РФ или закона (кодекса) субъекта РФ указания на тот или иной вид административного наказания.

Характеристика названных признаков в большей или меньшей степени соответствует воззрениям членов отечественного административистского сообщества на анализируемый вопрос. Что же касается четвертого, наиболее спорного признака, то здесь мнения юристов разделились. Так, Д.Н. Бахрах утверждает, что административное правонарушение характеризуется общественной вредностью [2, с. 546]. Аналогичной точки зрения придерживаются Б.В. Россинский и Ю.Н. Стариков.

В свою очередь Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев и некоторые другие авторитетные российские административисты определяют административное правонарушение как деяние общественно опасное. По их мнению, именно общественная опасность

правонарушения обуславливает ответственность за его совершение, а отсутствие данного признака говорит и об отсутствии самого правонарушения [3, с. 228]. А.Б. Агапов даже называет общественную опасность основным признаком административного правонарушения, отграничивающим проступок от преступления [4, с. 32]. Кто же прав в споре «монстров» отечественной административно-правовой науки? Или истина, как и в большинстве случаев, лежит где-то посередине?

При всем уважении к сторонникам последней точки зрения, их позиция не коррелирует с самим понятием административного правонарушения, закрепленным в ныне действующем кодифицированном административно-деликтном законе и уже процитированным здесь. Законодатель при конструировании упомянутой нормы не указал общественную опасность в качестве признака административного правонарушения (в отличие от аналогичной ситуации с преступлением в УК РФ). Кроме того, несмотря на общий, весьма существенный вред, причиняемый административными деликтами, степень их «индивидуальной вредности», в подавляющем количестве случаев весьма незначительна. Большинство правонарушений квалифицировались и будут квалифицироваться как административные (мелкое хулиганство, распитие алкогольной продукции в общественных местах, небрежное хранение паспорта, повлекшее его утрату и т.п.). В подобных случаях не возникает вопроса о разграничении их и преступления.

Конечно, встречаются и «пограничные» моменты, когда нарушения правовых запретов при определенных условиях рассматриваются либо как административные правонарушения, либо как преступления. В этих случаях разграничение может производиться в зависимости от наличия или отсутствия последствий или от размера причиненного вреда. Например, хищение чужого имущества на сумму менее одной тысячи рублей, то есть мелкое, является административным правонарушением (ст. 7.27. КоАП РФ), а превышающее обозначенную сумму – преступлением; нарушение правил дорожного движения, не повлекшее последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего, является административным правонарушением (глава 12 КоАП РФ), а повлекшее такие последствия – преступлением (ст. 264 УК РФ). Впрочем, это исключения из общего правила, лишь подтверждающие его. Тем более, что нормы, приведенные в качестве примеров, весьма изменчивы и не раз меняли свою трактовку за время существования действующего КоАП РФ.

Справедливости ради, следует констатировать тот факт, что до сего дня правовой оценки признаков административного правонарушения ни законодателем, ни Верховным Судом РФ дано не было, а вопрос об отнесенности общественной опасности (равно как и общественной вредности) к характеризующим особенностям административного деликта остается дискуссионным. Однако... 21 января 2015 года в Государственную Думу ФС РФ председателем думского комитета по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н. Плигиным, а также его заместителями Д.Ф. Вяткиным и А.А. Агеевым внесен проект Федерального Закона №703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)», в котором административному правонарушению посвящена целая глава. В статье 3.1. («Понятие административного правонарушения») данного законопроекта, в частности, говорится, что административным правонарушением признается виновно совершенное противоправное причиняющее вред охраняемым законом общественным отношениям (общественно вредное) деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность [5]. И хотя упомянутый законопроект ещё не стал законом, но позиция высшего

законодательного органа страны уже достаточно четко обозначена: административное правонарушение – деяние общественно вредное. В отличие от преступления, являющегося в Российской Федерации общественно-опасным деянием.

Список использованной литературы:

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 7 января 2002 г. № 1.
2. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. - 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2008. – 816 с.
3. Административное право российской Федерации: учебник для бакалавров / отв.ред. Л.Л. Попов. – Москва: РГ-Пресс, 2013. – 568.
4. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник. Издание 3-е, переработанное и дополненное / А.Б. Агапов. – М.: Эксмо, 2007. – 400 с.
5. Официальный сайт ГД ФС РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа.- URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>.
6. Долгих И.П., Быстрянец А.Ф. О перспективах отечественного административно-деликтного законодательства / Наука и технологии в современном обществе: материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 28-29 марта 2014 г.): в 2-х ч. Часть II.-Уфа: РИО ИЦИПТ, 2014. - 208 с.

© Е.А. Супонина, 2015.

УДК 343.1

З.С. Троцко

соискатель кафедры права

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Г. Волгоград, Российская Федерация

В. В. Захарова

студентка 2 курса факультета истории и права

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Г. Волгоград, Российская Федерация

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Международная правовая интеграция, в которую во все большей мере вовлекается Россия, предполагает осуществление деятельности по координации ее собственной правовой политики с правовой политикой других стран [2]. Движение нашего государства по этому пути вполне очевидно. Свидетельством тому является широкомасштабная судебно-правовая реформа, сопровождающаяся использованием зарубежного и международного опыта, правовыми заимствованиями, признанием международного права частью российской правовой системы и приведением ее в соответствие с международными правовыми стандартами (общепризнанные принципы, стандарты правосудия и защиты прав человека, договоры о взаимной помощи и сотрудничестве и т. п.) [3].

Вместе с тем сказанное совершенно не исключает необходимости в создании сходных (на национальном уровне) и единых (на международном уровне) механизмов правового регулирования однородных общественных отношений, т. е. в определенной гармонизации

(согласовании официальных правовых доктрин, концептуальных подходов, принципов, программ правовых действий и т. п.) и унификации (принятия основанных на общих межнациональных стандартах правовых актов или норм, действующих взамен или наряду с национальными) национальных законодательств и практики их применения [5, с. 69-82].

Вопрос введения должности «следственный судья» не раз поднимался в контексте уголовного судопроизводства. До сих пор он является дискуссионным. Президент Российской Федерации Владимир Путин рекомендовал Верховному суду РФ до 15 марта 2015 года изучить вопрос о возможности введения института следственного судьи. Эта мера связана с многочисленными системными проблемами, о которых заявил председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин в интервью «Российской газете», а именно: нарушение разумных сроков судопроизводства в части предварительного расследования; чрезмерная длительность содержания под стражей; неэффективность судебной проверки действий (бездействия) органов предварительного расследования в порядке статьи 125 УПК РФ; нарушение права потерпевшего на доступ к правосудию и защиту его интересов; злоупотребление органами уголовного преследования тайной предварительного расследования; ограничение права обвиняемого на защиту на досудебных стадиях процесса, в т.ч. на своевременный допуск защитника; возвращение дела судом прокурору для исправления недостатков предварительного расследования в порядке статьи 237 УПК РФ; использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Названные проблемы следуют из частых обращений граждан, судов направленных в Конституционный суд РФ.

Институт следственного судьи уже имел место в РСФСР. Под словом «следователь» понимались народные следователи, старшие следователи, состоящие при губернских судах, следователи по важнейшим делам при Народном Комиссариате Юстиции и Верховном Суде и следователи военных и военно-транспортных трибуналов [6]. Производить следственные действия он мог только в рамках данного ему участка, отчитавшись о начале и завершении работы прокурору. Позже этот институт был упразднен. В современном понимании следователь - должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным Кодексом РФ [1].

Многие страны практикуют в уголовном процессе институт следственного судьи, одним из классических примеров является Франция. Предварительное следствие во Франции состоит из двух инстанций: следственный судья (I инстанция) и следственная камера при Апелляционном суде (II инстанция). Предварительному расследованию предшествует полицейское дознание - дознание в виде полного расследования и дознание по делам, требующим предварительного следствия. Предварительное следствие проводится должностным лицом судебного ранга - следственным судьей. Он зависит от прокуратуры в осуществлении своих полномочий.

Следственный судья получает от прокурора требование и приступает к следствию на основе «вводного» заключения прокуратуры.

Полномочия следственного судьи: он вправе сам собирать доказательства с помощью обыска, назначения экспертизы, наложения ареста на имущество, осмотра места преступления, проведения допросов или дать следственное поручение о проведении действий другому следственному судье или офицеру судебной полиции [4]. Также следственный судья может обеспечить явку обвиняемого, применив к нему средства принуждения (ордер на арест, постановление о задержании). Одним из главных отличий является то, что следственный судья вправе освободить обвиняемого под залог. Тем не менее, прокурор вправе вмешаться в дела следственного судьи на любой стадии

следования. Закончив следствие, следственный судья передает производство по делу прокурору, который в случае одобрения возвращает ему дело для дальнейшего рассмотрения. При этом следственный судья вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования, если он найдет предъявленное обвинение необоснованным [4].

На законодательном уровне необходимо провести реформу органов предварительного следствия, потому что в итоге иногда невозможно понять: нам предлагают реформировать органы предварительного следствия в соответствии с идеей о создании единого автономного федерального органа расследований (о введении фигуры «следователя при суде» как это было в 1860 – 1864 гг.) или же что-то иное?

Можно сделать вывод о том, что надо оставить затеи, связанные с соединением в едином публичном (процессуальном) органе функций предварительного следствия и одновременно оперативного контроля за ним [7], так как с данным набором функций физически не сможет справиться следственный судья. Что же касается фигуры следственного судьи, определяющей функцией которого должен стать именно оперативный судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения, а также основных актов следствия, то методологически точными представляются позиции тех исследователей, которые изначально определились, как в терминах и целях исследования, так и направлениях необходимых реформ. В том числе, не смешивая в едином предмете и предлагаемых законодательно новациях предложения о реформировании как органов и форм предварительного следствия, так и теми же самими средствами – оперативного судебного контроля.

Актуальны вопросы: за годы своего функционирования оперативный судебный контроль стал неотъемлемой частью судебного производства по уголовным делам, но какие факторы оживили дискуссию о необходимости введения следственного судьи? Почему действующая организация в судах Российской Федерации не является или не может быть признана оптимальной, в том числе в контексте принципа государственного интереса? Известно, что ряды исследователей давно указывают на то, что в нынешнем состоянии оперативный судебный контроль так и не стал надежной процессуальной гарантией обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве России.

Исходя из вышесказанного, введение фигуры следственного судьи должно быть связано именно с реальным реформированием всей системы взаимоотношений, с одной стороны, между властью и судом; с другой, между органами предварительного расследования, следственными судьями и судами общей юрисдикции, призванными к разрешению дела по существу. Для того, чтобы выстроить действительно продуктивную систему сдержек и противовесов, власть и законодатель, как минимум, обязаны решить следующий круг проблем и вопросов касающихся:

1. Обеспечения организации вопроса предмета исследования – должны быть внесены поправки в нормативно - правовые акты РФ (в том числе и в Конституцию РФ)

2. Материально - технического обеспечения – должен быть решен вопрос о материальном обеспечении следственного судьи, то есть из какого бюджета будет его финансирование – федерального или областного.

3. Кадрового обеспечения – нужно решить вопрос о кадровом подборе специалистов на данную должность.

4. Вопросы о назначении фигуры следственного судьи – он будет назначаться Президентом РФ либо прокуратурой области.

5. Исходя из вышеизложенного, встает вопрос об объективной проверке итоговых решений следственного судьи.

Возможны, конечно, и иные проблемы, которые (со временем) придется решать.

Список использованной литературы:

1. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.12.2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Бахин С. В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб: 2003. – С. 16.
3. Волженкина В. М. Нормы международного права в российском уголовном процессе/ Волженкина В. М. – СПб: Юридический центр Пресс, 2001.
4. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник/ Отв. ред. П. А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2009.
5. Пиголкин А. С. Глобализация и развитие законодательства: Очерки // отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. – М.: ОАО Издательский дом «Городец», 2004. – С. 69-82.
6. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс]. URL: [http:// base. consultant.ru/ cons/ cgi/ online.cgi? req= doc;base= ESU;n= 3551](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3551) (дата обращения: 04.02.2015).
7. Рекомендация (2006) 13 Комитета министров государств, членов которых оно исполняется и создании гарантий против злоупотреблений» // СПС «КонсультантПлюс».
© З. С. Троцко, В. В. Захарова, 2015

УДК 347.469.1

Ю.А. Тымчук
студентка 3 курса Института права ВолГУ,
г.Волгоград, РФ

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее - Закон № 193) [1]. В соответствии со ст.2 Закона №193 процедурой медиации признается способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Значение интеграции института медиации в российскую правовую систему нашло свое отражение в Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 22.12.2011, перечне поручений Президента РФ от 26.12.2011 № Пр-3884 и в перечне поручений Председателя Правительства РФ от 29.12.2011 № ВЗ-П13-9278 по реализации основных положений указанного Послания.

Медиация представляет собой альтернативную судебному разбирательству форму досудебного/внесудебного или внепроцессуального разрешения споров и урегулирования конфликтов (а также обеспечивающий ее комплекс механизмов и технологий и процесс ее реализации), добровольно избираемая тяжущимися (спорящими, конфликтующими и т.д.) сторонами, исходя из солидарного стремления к достижению соглашения, или назначаемая уполномоченным органом и предусматривающая в рамках структурированной процедуры, помимо тяжущихся сторон, характеризующаяся следующими признаками: наличие третьей стороны (беспристрастного и нейтрального медиатора), выбранной по взаимному согласию

тяжущимися сторонами или определенной для них компетентным органом и не уполномоченной принимать собственные решения за тяжущиеся стороны, но призванной оказать профессиональное комплексное (разностороннее) содействие справедливому разрешению/урегулированию конфликта/спора и приходу прибегших к медиации тяжущихся сторон к стабильному и конструктивному диалогу и, в результате этого, к компромиссному, устойчивому и взаимно устраивающему стороны согласию для достижения целей предотвращения или редуцирования/купирования конфликта и его детерминантов, повышения эффективности его разрешения, сокращения издержек на разрешение конфликта/спора и/или отказа от судебного разбирательства конфликта/спора, прекращения уже начатого такого разбирательства и/или снижения объема притязаний [2, с.11].

Медиацию часто воспринимают как новшество, хотя она имеет долгую историю во многих культурах и цивилизациях, в том числе и в России [3, с. 665]. Еще в Древнем Китае Конфуций призывал использовать медиацию вместо того, чтобы идти в суд. Он предупреждал, что состязательное участие в судебном процессе, скорее всего, усилит озлобленность участников конфликта и воспрепятствует их эффективному взаимодействию [4, с.11].

Несмотря на то, что принятие вышеназванного федерального закона является положительным моментом на пути развития и применения внесудебных процедур для разрешения конфликтов, однако на практике продолжают существовать некоторые проблемы. Основные проблемы следующие:

1. Согласно ст.3 Закона №193 процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности. Однако отсутствует перечень категорий дел, по которым медиация должна проводиться обязательно. Тем самым основная цель, для которой вводился закон, а именно снижение нагрузки на судебную систему, не достигается. Решением данной проблемы могло бы стать законодательное закрепление обязательного характера медиации по некоторым категориям дел.

2. Процедуры медиации, как указано в ст.1 Закона №193, применяются к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений при условии, что такие споры не затрагивают публичные интересы, а также интересы третьих лиц. Данное ограничение исключает применение медиации к другим видам конфликтов (земельные, административные и т.д.), поэтому сфера деятельности медиации должна быть расширена.

3. Медиация завершается составлением медиативного соглашения, которое заключается в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения. Медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон (п.2 ст.12 Закона №193). Законодательством не установлен контролирующий орган по исполнению медиативного соглашения, а опора на добровольность и добросовестность не предполагает никаких гарантий. Решением данной проблемы могло бы стать создание в структуре ФСИН РФ соответствующего отдела с необходимыми полномочиями.

Таким образом, в России имеется необходимая правовая база для развития медиации, хотя и требующая активного реформирования.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»// Российская газета, № 168, 30.07.2010.
2. Елисеев Д.Б. Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико-правовой анализ): автореферат диссертации на соискание степени кандидата юридических наук. – М., 2013. - 33 с.
3. Концепции развития российского законодательства / под ред. и с предисл. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. - М.: Эксмо, 2010. - 732 с.
4. Паркинсон Л. Семейная медиация. М, 2010. – 400 с.

© Ю.А. Тымчук, 2015

УДК 34.342.565.2

М.Г. Фомина, канд.полит.наук, доцент кафедры
международно-правовых дисциплин Орловского филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации
г. Орел, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время одним из наиболее важных моментов в споре о полномочиях конституционных (уставных) судов является наделение их правом предварительного контроля законопроектов или их отдельных положений. Этот вопрос неоднозначно решен и в мировой практике. Как известно, в большинстве стран суды наделены правом последующего конституционного контроля, то есть правом решения о соответствии конституционным нормам нормативных правовых актов, вступивших в силу. Что касается предварительного контроля, то во многих странах он возложен на парламент или его органы (например, комитет по вопросам конституционного права парламента Финляндии и комитет по конституционным вопросам и правосудию Национального Конгресса Бразилии). В ряде государств суды выполняют совещательные функции при осуществлении предварительного конституционного контроля и призваны содействовать парламенту в обеспечении соответствия законопроектов конституционным требованиям (такую роль выполняют Государственный Совет Бельгии, верховные суды Камеруна и Конго) [1]. Однако, международный опыт реализации разделения властей знает и более серьезные формы участия органов конституционного контроля в принятии законов государства. Так, согласно ст.61 Конституции Французской Республики в Конституционный Совет (квасисудебный орган конституционного контроля) должны быть представлены органические законы (они занимают такое же место в законодательстве Франции, как федеральные конституционные законы в России) до их промульгации. Этот орган имеет право объявить законопроект, одобренный Парламентом, неконституционным. Указанный порядок распространяется и на любые другие законы, если на то поступит обращение в Конституционный Совет от Президента, премьер-министра, председателя парламента или 60 депутатов любой из палат парламента. Достаточно большой объем предварительной контрольной деятельности имеет Конституционный Суд в Испании [2]. Относительно Российской Федерации полномочие конституционных (уставных) судов

осуществлять проверку региональных законов и иных нормативных актов на предмет их соответствия не только конституции (уставу), но и законам субъекта Федерации вызывает определенные сомнения. Поскольку в сложной ситуации оказываются конституционные (уставные) суды субъектов Федерации, когда проверяемые ими законы соответствуют республиканской конституции, но нарушают требования Конституции Российской Федерации и федеральных законов. Концептуальный подход к решению коллизионных проблем между федеральным и республиканским законодательством сейчас определен ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [3]. Согласно этой норме, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции Российской Федерации, федеральному конституционному закону, федеральному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации, закону субъекта Российской Федерации, суд принимает решение согласно правовым положениям, имеющим наибольшую юридическую силу [4].

Особый вопрос – к чьей компетенции относится рассмотрение дел о соответствии конституции или уставу региональных и муниципальных нормативно-правовых актов в тех субъектах, где конституционные (уставные) суды еще не созданы или вообще не предусмотрены региональным основным законом. В федеральном законодательстве правила отправления конституционного правосудия в таких условиях не определены. По верному замечанию Н.В. Витрука, в постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. не снята неопределенность относительно того, могут ли признавать нормативные акты (законы и др.) субъектов Российской Федерации не соответствующими их конституциям (уставам) и, следовательно, теряющими юридическую силу лишь органы конституционного судопроизводства (под которыми подразумеваются только конституционные (уставные) суды или суды общей юрисдикции, которые могут быть наделены конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации таким полномочием и осуществлять его в форме особого, конституционного судопроизводства путем создания и функционирования конституционных (уставных) коллегий (палат) в судах общей юрисдикции).

Интересен германский опыт решения проблемы. Во всех землях ФРГ, кроме одной (Шлезвиг-Гольштейн), созданы свои конституционные суды. Земля Шлезвиг-Гольштейн передала свои полномочия по отправлению конституционного правосудия федеральному Конституционному суду. Думается, что и в России в период формирования региональных органов конституционной юстиции полномочия по реализации конституционного (уставного) нормоконтроля может осуществлять федеральный Конституционный суд. Соответствующий порядок регламентации нормоконтроля следует отразить в разделе о переходных положениях федеральных конституционных законов «О судебной системе Российской Федерации» и «О Конституционном суде Российской Федерации», которые могли бы действовать до момента принятия и вступления в силу обновленного федерального закона об общих принципах организации органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Главное, чтобы временные горизонты образования региональных конституционных и уставных судов были обозримыми [5].

В недавнем прошлом наблюдалась тенденция отторжения части компетенции Конституционного Суда Российской Федерации в пользу конституционных судов республик. Сравнительный анализ компетенции конституционных (уставных) судов показал: в ряде случаев полномочия этих судов совпадали с полномочиями Конституционного Суда Российской Федерации, что создавало коллизионность и вызывало необходимость размежевания компетенции. Например, к компетенции Конституционного

Суда Российской Федерации Конституция России относит разрешение споров о компетенции между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации. В то же время в соответствии с конституциями Адыгеи, Бурятии, Дагестана, Карелии, Коми, Татарстана спор о компетенции между органами государственной власти указанных республик разрешался конституционными судами этих республик [6].

Список использованной литературы:

1. Парламент и президент (опыт зарубежных стран). М., 1995.
2. Овсепян, Ж.И. Судебный конституционный контроль в Российской Федерации: проблемы деполизации (сравнительный анализ) // Государство и право. - 1996. - №1.
3. О судебной системе Российской Федерации : конст. федер. закон от 31 декабря 1996 №1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // СЗ РФ. 06.01.1997. № 1. ст. 1.
4. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России: очерки теории и практики. М., 2003.
5. Ишеков, К.А. О реализации нормоконтроля конституционной юрисдикции субъектов Российской Федерации // Власть. - 2010. - № 11.
6. Гравина, А.А. Правовая позиция регламентации организации и деятельности судов субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. - 2014. - № 6 (210).

© М.Г. Фомина, 2015

УДК.34.342.565.2

М.Г. Фомина, канд.полит.наук, доцент кафедры
международно-правовых дисциплин Орловского филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации
г. Орел, Российская Федерация

И.Н. Горелова, магистр 2 курса кафедры
конституционного и муниципального права,
Орловского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
г. Орел, Российская Федерация

КОМПЕТЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Компетенция конституционных (уставных) судов закреплена и урегулирована как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, вместе с тем следует отметить, что как в теории, так и на практике возникает ряд вопросов, связанных с проблематикой компетенции органов региональной конституционной юстиции.

Субъекты Российской Федерации в соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» [1] самостоятельно определяют порядок организации и деятельности конституционных (уставных) судов. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, право субъектов предоставлять своим судам полномочия, не указанные в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» не противоречит Основному закону страны. Тем не менее, Конституционный Суд Российской Федерации определил рамки возможных полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Федерации. Эти полномочия должны соответствовать природе и предназначению данных судов в качестве судебных органов

конституционного (уставного) контроля и касаться вопросов, относящихся к ведению субъектов Российской Федерации в силу ст. 73 Конституции Российской Федерации [2]. Более того, конституционным (уставным) судам субъектов не подведомственны дела, отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными и федеральными законами к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», фактически обобщив сложившуюся в субъектах Федерации практику законодательного регулирования статуса названных судов, весьма осторожно подошел к определению их компетенции. Он установил, что конституционный (уставной) суд может создаваться для рассмотрения соответствия законов и нормативных актов органов государственной власти субъекта Федерации, органов местного самоуправления его конституции (уставу), а также для толкования конституции (устава) данного субъекта. Такая формулировка не исключает установление как абстрактного, так и конкретного нормоконтроля, предварительной или последующей проверки нормативных актов, а также разрешение споров о компетенции, определенной конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации.

Таким образом, конституционные (уставные) суды не являются по отношению к общим судам кассационной, апелляционной или надзорной инстанцией. Однако то, что они призваны защищать основы субъекта Федерации, ставит их в особое положение. Указанные суды, опосредованно, через проверку конституционности (уставности) акта, примененного или подлежащего применению в конкретном судебном деле, контролируют деятельность общих и арбитражных судов; постановления, принятые ими в пределах компетенции, являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, включая суды[3].

По мнению В.А. Кряжкова, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» не определяет компетенции конституционных (уставных) судов в полном объеме, а формулирует прежде всего их целевое назначение [4]. Поддерживая подобную позицию, М.А. Митюков и А.М. Барнашов указывают, что «Федеральным конституционным законом устанавливается не императивная, а рекомендуемая компетенция конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации. Она может быть исчерпывающе воспроизведена в законодательстве соответствующего региона, либо частично» [5]. Рекомендуемые полномочия конституционного (уставного) суда субъекта Федерации могут быть исчерпывающе и развернуто воспроизведены в законодательстве соответствующего региона.

В Определении от 6 марта 2003 г. № 103-О Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил свою позицию и также указал, что из Конституции Российской Федерации не вытекает требование установления конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации единообразного перечня полномочий конституционных (уставных) судов субъектов. Компетенция конституционных (уставных) судов, установленная федеральным законом, не является исчерпывающей, и региональный законодатель вправе с учетом природы данных судов и в пределах своих полномочий, не нарушая компетенцию федеральных судов, дополнять полномочия конституционных (уставных) судов. Вместе с тем с учетом федерального регулирования субъекты Российской Федерации самостоятельно определяют порядок организации и деятельности этих судов [6].

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации конституционный (уставной) суд может создаваться субъектом для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного

самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (устава) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации; вопросы, отнесенные к его компетенции, конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации рассматривает в порядке, установленном законом субъекта. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, в отличие от федеральных судов, входят, таким образом, в систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации [7].

А.С. Геляхов утверждает, что конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации должны осуществлять мониторинг региональных нормативных правовых актов, под которым он понимает комплексную систему регулярного наблюдения, анализа, оценки, а на этой основе и разработки предложений по совершенствованию, планированию развития законодательной базы. С учетом того что правовая система России имеет уровни - федеральный (федеральное законодательство), региональный (законодательство субъекта Российской Федерации и нормативно-правовые акты местного самоуправления), представляется возможным осуществление мониторинга на региональном уровне возложить на конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. Не секрет, что специфика таких судов обязывает к циклической исследовательской деятельности, а профессиональный уровень судейского корпуса таких судов очень высок, и этот потенциал может быть привлечен для позитивного решения поднимаемых проблем [8].

Итак, компетенция конституционных (уставных) судов носит общий характер, так как одновременно ориентирует на то, какие именно вопросы должны рассматриваться конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации в случае их создания. В этой связи выполнение конституционными (уставными) судами процессуальных функций основывается в том числе на рассмотрении и разрешении дел о защите прав и свобод человека и гражданина.

Обобщая результаты исследования законов субъектов Российской Федерации, определяющих компетенцию конституционных (уставных) судов, целесообразно предложить классификацию полномочий, осуществляемых конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации по делам о защите прав граждан. Представляется, что правозащитные полномочия конституционных (уставных) судов делятся на общие, специальные, иные.

К общим относятся полномочия конституционных (уставных) судов, обозначенные ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»:

— рассмотрение вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (устава) субъекта Российской Федерации;

— рассмотрение запросов о толковании конституций (уставов) субъектов Российской Федерации.

По нашему мнению, заслуживает внимания предлагаемое И. В. Зыковой наделение конституционных (уставных) судов следующими дополнительными общими полномочиями:

- осуществление мониторинга регионального законодательства;
- право законодательной инициативы в пределах своего ведения;
- проверка соответствия законов субъектов Федерации федеральным законам;

— рассмотрение споров о компетенции между органами государственной власти субъектов Федерации;

— участие в процедуре отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Федерации [9].

Специальными являются полномочия, устанавливаемые законом субъекта Российской Федерации для непосредственного рассмотрения и разрешения конституционными (уставными) судами дел, связанных с нарушением прав и свобод человека и гражданина. Поскольку преимущественное количество законов субъектов Российской Федерации соединяет в одной норме два взаимосвязанных между собой полномочия конституционных (уставных) судов по проверке конституционности закона, иного нормативного правового акта субъекта Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов, таковые следует считать специальными полномочиями.

К специальным будут также относиться полномочия по рассмотрению конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации обращений в форме запросов о проверке соответствия конституциям (уставам) субъекта Российской Федерации нормативных актов субъектов Российской Федерации, направляемых в том числе гражданами. Вместе с тем все упоминаемые нормативные акты субъектов Российской Федерации, проверяемые региональными конституционными (уставными) судами в рамках специальных полномочий, трактуются законами субъектов Российской Федерации как примененные или подлежащие применению в конкретном деле.

Следует также отметить, что некоторые законы о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации содержат в себе иные полномочия, которые могут применяться конституционными (уставными) судами в практической деятельности в связи с обеспечением правового статуса личности. Принимая во внимание, что законы о конституционных (уставных) судах субъектов Федерации имеют свойство повторять друг друга, иные полномочия конституционных (уставных) судов, содержащиеся в этих законах, в некоторой степени выходят за рамки ранее предложенных правозащитных полномочий и особо выделяют тот или иной конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации из общей массы судов. К их числу следует отнести:

— рассмотрение конституционными (уставными) судами запросов о проверке соответствия конституции (уставу) субъекта Российской Федерации решения о назначении и проведении республиканского, областного или местного референдума;

— дача заключений о соответствии внутрифедеральных, международных договоров республики конституции (уставу) субъекта Российской Федерации и Конституции Российской Федерации;

— разрешение споров о компетенции между органами государственной власти и органами местного самоуправления субъекта Российской Федерации;

— рассмотрение дел о конституционности не вступивших в силу международных, межреспубликанских, межрегиональных договоров (соглашений) субъекта Российской Федерации;

— вынесение предложения о приостановлении действия оспариваемого акта до завершения рассмотрения дела конституционным судом субъекта Российской Федерации;

— вынесение конституционным судом субъекта Российской Федерации представления об обращении внимания компетентных органов и должностных лиц на выявленные конкретные нарушения конституции (устава) субъекта Российской Федерации и законодательства, действующего на территории этого субъекта Российской Федерации;

— реализация конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации права законодательной инициативы по вопросам своего ведения;

— осуществление проверки конституционности актов правоприменительной практики органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации;

— представление председателем конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации интересов суда в отношениях с государственными органами и организациями, общественными объединениями, а также выступление с заявлениями по уполномочию конституционного (уставного) суда;

— ежегодное направление в органы государственной власти субъекта Российской Федерации послания о состоянии конституционной законности в субъекте Российской Федерации [10].

Итак, перечень полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации не является исчерпывающим. В настоящий момент субъекты Федерации вправе самостоятельно расширить данный перечень. При этом при определении дополнительных полномочий рассматриваемых судов необходимо прежде всего исходить из принципа разграничения полномочий между различными судебными органами. Представляется возможным классифицировать полномочия конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации на основные (определенные в Федеральном конституционном законе «О судебной системе») и дополнительные (определяемые самим субъектом). Последние, в свою очередь, можно подразделить на общие (характерные для всех субъектов Федерации) и специальные (присущи только конкретному субъекту ввиду его отличительных особенностей).

Список использованной литературы:

1. О судебной системе Российской Федерации : конст. федер. закон от 31 декабря 1996 №1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // СЗ РФ. 06.01.1997. № 1. ст. 1.

2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 26.01.2009. № 4. ст. 4450.

3. Морозова, А.С., Плахтий, Е.В. Вопросы компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. – 2013. - № 3.

4. Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М., 2002.

5. Митюков М.А., Барнашов А.М. Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики). Томск, 1999.

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 г. №103-О по запросам Государственного Собрания Республики Башкортостан и Государственного Совета Республики Татарстан о проверке конституционности части 1 статьи 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1658.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2009 г. №1370-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Селиверстова Александра Павловича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 статьи 15 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”» // Текст Определения официально опубликован не был. Текст опубликован на сайте СПС «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1693723/>

8. Геляхов, А.С. К вопросу о потенциальных полномочиях конституционных (уставных) судов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. - 2008. - № 4.

9. Зыкова, И. В. Определение полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. - 2012. - № 10.

10. Гусев, А.В. О правозащитных полномочиях конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российский судья. – 2008. - № 10.

© М.Г. Фомина, И.Н. Горелова, 2015

УДК 342.9

Г.М. Черняев

Старший преподаватель кафедры АД ОВД

ВИ МВД России

(г. Воронеж, Российская Федерация)

С.Г. Черняев

Инспектор ОК УРЛС ГУ МВД России

по Воронежской области

О ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Институт участковых уполномоченных полиции относится к числу старейших и является одним из наиболее важных в системе органов внутренних дел. Универсальность знаний, умений и навыков, которыми должен обладать современный участковый, обусловлены характером и многофункциональностью его повседневной деятельности. Профилактическая работа по недопущению правонарушений, организация охраны общественного порядка и обеспечение безопасности на закрепленном административном участке, осуществление административного контроля и надзора, борьба с преступностью предъявляют повышенные требования к его профессиональным качествам [1]. Как показывают социологические опросы, многие граждане после совершенных в отношении них противоправных действий предпочитают обращаться не в дежурную часть органа внутренних дел, а непосредственно к своему участковому. Связано это и с территориальной близостью, и с возможностью оперативного решения возникающих проблем в сфере общественного порядка и безопасности.

Немаловажным является тот факт, что участковым уполномоченным полиции поручают выполнение различного рода задач, напрямую не всегда связанных с их служебными обязанностями [2]. Все это создает значительную нагрузку на отдельно взятого участкового уполномоченного полиции, которого нередко называют «универсальным», поскольку в его компетенцию входят направления деятельности, относящиеся к различным подразделениям. По данным статистики службой ежегодно рассматривается около 80-90% жалоб, заявлений и обращений граждан, поступающих в органы внутренних дел. При этом следует отметить, что численность УУП в процессе реформирования была сильно сокращена.

Важнейшей частью преобразований в системе МВД России является укрепление кадрового потенциала. Кадровое обеспечение находится в прямой зависимости от материальных и финансовых возможностей общества. Сегодня понятие «профессионал» тесно связано с понятием «компетентность». Это необходимые составляющие эффективного управления в любой сфере, в том числе - в органах внутренних дел. Федеральный закон «О государственной гражданской службе в

Российской Федерации» предусматривает определенные квалификационные требования к уровню профессионального образования, правовых знаний применительно к исполнению конкретных обязанностей. В соответствии с названными требованиями на службу в подразделения УУП должны приходиться хорошо образованные профессионалы, имеющие специальную подготовку. Практика показывает, что в настоящее время около 40-50 % личного состава УУП - это сотрудники со стажем работы до года. Отсутствие опыта усугубляется слабыми знаниями нормативной базы и неумением её использовать в сложных практических ситуациях. Негативная ситуация в части подбора кадров осложняется ещё и тем, что большинство кандидатов на должность участкового уполномоченного полиции не соответствуют предъявляемым квалификационным требованиям.

Несомненно, взаимодействие участкового уполномоченного полиции с теми или иными участниками правовых отношений на местах должно развиваться с учетом оперативно-криминогенной характеристики административного участка, района, региона и проводимой государственной политики в стране. На своем административном участке УУП решает вопросы государственного управления, в процессе которого он обязан обеспечить охрану прав и свобод человека (гражданина). Подобными всесторонними полномочиями в системе правоохранительных органов, пожалуй, не обладает никто. Социально-экономические изменения в стране, задачи укрепления общественного порядка, усиления защиты прав и свобод граждан, а также сохранности всех форм собственности требуют проведения коренных преобразований в деятельности должностных лиц на низовом уровне. Это обуславливает необходимость нового взгляда на задачи и принципы организации деятельности службы участковых уполномоченных полиции. Совершенствование работы УУП самым непосредственным образом влияет и на деятельность территориальных ОВД, так как участковые пункты полиции выступают в виде их своеобразных «филиалов».

Вместе с тем, с определенной долей уверенности следует признать, что организация деятельности службы участковых уполномоченных полиции не всегда и не везде находится на должном уровне и отвечает потребностям государственно-правового развития общества. Для повышения эффективности такой деятельности большое значение приобретают научные исследования, поиск наиболее перспективных путей развития предупредительной (профилактической) работы. Этому также должны способствовать обеспечение преемственности положительных форм и методов работы, применявшихся на различных этапах эволюции службы, использование прогрессивных элементов и приемов юридической техники и т.п.

Список использованной литературы:

1. Долгих И.П., Супонина Е.А., Черняев Г.М. Административная ответственность несовершеннолетних: проблемы и перспективы // Эволюция научной мысли: сборник статей Международной научно-практической конференции. Научный центр "Азтерна". г. Уфа, Республика Башкортостан, 2014. С. 131-132.

2. Супонина Е.А. Вопросы совершенствования административной ответственности несовершеннолетних // Актуальные проблемы административной ответственности материалы международной научно-практической конференции. Омская юридическая академия. Омск, 2014. С. 41-48.

© Г.М. Черняев, С.Г. Черняев, 2015.

АНАЛИЗ ЗАРОЖДЕНИЯ СПОРТИВНОГО ФАНАТИЗМА ЗА РУБЕЖОМ, И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКИХ БОЛЕЛЬЩИКОВ

Явление спортивного хулиганства неразрывно связано со спортивными мероприятиями. По сути, не было бы спорта – не было бы и спортивного фанатизма, перерастающего в спортивное хулиганство. Огромное влияние на зарождение данного явления, безусловно, оказал футбол, и его родоначальники – Англия. Именно там и зародился спортивный фанатизм. «Ещё в стародавние времена, подогреваемые страстями на поле и бочками с элем в пабах возле стадиона, британцы были не прочь побуяннить. Исторические анекдоты гласят, что сначала король Эдуард третий, а после и Оливер Кромвель были вынуждены запретить эту игру из-за постоянного насилия на трибунах. Зачастую в драках принимали участие и собственно футболисты. Эти разборки к двадцатому веку эволюционировали в субкультуру футбольного фанатизма, которая из Англии уже распространилась по всему миру». [1]

Что касается хоккея, то первое задокументированное сообщение о хоккейном хулиганстве было зафиксировано в декабре 1862 года, когда в редакцию канадской газеты *The Globe* пришло письмо, в котором сообщалось о том, как группа хулиганов задирала людей на коньках «приличного вида» на реке Дон, что близ Торонто. Там же упоминалось, что все участники этого события были вовлечены в какую-то любопытную забаву с загнутыми палками. [2]

Никто сегодня не назовет точную дату появления фанатов на стадионах планеты. В Южной Америке, в первую очередь в Бразилии, Аргентине, Колумбии, Боливии, Уругвае, Перу, они, похоже, были всегда, сколько существует в этих странах футбол. Относительно же Западной Европы есть более точные сведения: первые, еще только-только нащупывающие связи друг с другом группы особо ярых поклонников тех или иных клубов можно отнести к началу 60-х годов. То была пора царствования великих суперклубов - мадридского «Реала», итальянского «Интера», лиссабонской «Бенфики». [3]

Условно родоначальниками футбольного хулиганства считают фанатов «Миллуолла». Простые и бедные ребята, живущие в самом бедном районе города, славного своими доками (а еще там хозяйничал Джек Потрошитель) избрали футбол для развлечения. Со временем на стадионах начали устраивать массовые потасовки и побоища. Настоящие проблемы появились, когда хулиганы начали поддерживать свои клубы на выезде. [4]

Фанатские движения разрастались в зависимости от популяризации футбола, и число футбольных хулиганов неуклонно росло.

В то время почти у каждого клуба уже была группировка – «фирма», созданная по образу и подобию фанатов Миллуолла. Чтобы не быть раскрытыми полицией, в дальнейшем фанаты начали носить одежду определенных дорогих марок («Stone Island», «Burberry», «Ben Sherman», «Lewi's», «Doc Martens» и другие), перестали носить клубную атрибутику. Для индивидуализации фанаты придумывали названия фирм, далее эволюция этого явления разветвлялась в разные стороны, но общим было то, что все фанаты желали отделиться от толпы, придать себе статус особенных. У каждой фирмы появился свой собственный кодекс.

В середине 1960-х годов трибуны английских стадионов примерно на 70 % состояли из тех, кто отождествлял себя с футбольным насилием. Каждый второй матч заканчивался серьёзными потасовками, некоторые районы городов на время матчей превращались в запретные зоны. Из одного города в другой с чётко определённой целью выехать сильнее всего выезжало от 400 до 7000 человек. Вследствие этого тысячи обычных поклонников игры стали держаться подальше от стадионов, а телетрансляции стали для них единственной альтернативой посещению матчей.

Ситуация не улучшилась, когда телевидение, помимо самой игры, стало демонстрировать массовые драки с участием болельщиков. Это не только воодушевляло хулиганов, но и являлось новым средством общественной огласки и саморекламы. Аналогичная ситуация наблюдалась и в прессе — коллекционирование газетных заметок стало настоящим увлечением для многих фанатов. [5]

В 1974 фанаты Великобритании решились на более смелый шаг – на так называемые международные выяснения отношений, первооткрывателями стали фанаты команды «Тоттенхэм», и выезд их был в Голландию, на матч с «Фейеноордом».

В 70-х годах происходят первые убийства на стадионах, но несмотря на введение камер слежения и работу полиции с фанатами, это движение становится всё популярнее. Отчасти этому способствует выход документального фильма «Панорама», посвященному болельщикам клуба «Миллуолл». Эти ребята стали образцом для подражания молодым англичанам на долгие годы вперёд. К 80-ым годам хорошо организованные драки с применением холодного оружия «фирм» друг против друга и против полиции заодно стали обыденностью британской жизни, и в 1983 году УЕФА впервые пригрозила английской футбольной ассоциации отлучением от европейского футбола. Это намерение осуществилось в 1985 году, когда на матче «Ювентус» - «Ливерпуль», проходившем на стадионе «Эйзель», в давке, спровоцированной британцами, погибли десятки болельщиков «Ювентуса». [6]

Первая широкомасштабная потасовка на спортивной арене в СССР произошла ещё в 1957 году. В Ленинграде, по ходу футбольного матча, проигранного местным «Зенитом» московскому «Торпедо» со счетом 1-5, на поле вырвался болельщик, возжелавший помочь неудачливому голкиперу хозяев. Скрученный правоохранительными органами, он сумел мобилизовать толпу на активные действия и на стадионе началось массовое побоище. Всё закончилось обоюдными многочисленными ранениями и судом. Самый суровый приговор в деле был - 8 лет, всего же пострадали 16 человек. Вряд ли этот случай можно считать показательным, всё-таки здесь не было проявления футбольного фанатизма в чистом виде - но преьера состоялась. [7]

В 70-е годы стали появляться первые организованные фанатские формирования. Это были болельщики «народной команды» - московского «Спартака». Они поддерживали команду на определённом секторе, носили клубную атрибутику, сочиняли и скандировали речёвки во славу своих кумиров. Естественным образом тут же возник антагонист - фанаты ЦСКА, правда, на первых порах достаточно малочисленные и слабоорганизованные. Первое противостояние этих групп поддержки, непримиримо враждующих и поныне, пришлось на хоккейный чемпионат СССР 1976-1977 года, когда две столичные команды сражались за золотые награды. К началу 80-х годов организованные группы фанатов появились и у других столичных команд.

В это же время начинается формирование своих «ультрас» в Киеве и Вильнюсе, и фанатские противостояния выходят на новый, идеологический уровень. Московские фанаты «Спартака» и ЦСКА в середине 80-х объявили о перемирии и главными врагами столицы СССР стали украинцы и литовцы. Апогеем этого противостояния стало побоище в

1987 году, самое масштабное в СССР. После матча на киевском железнодорожном вокзале «ультрас» «Динамо» и «Спартак» организовали драку примерно 500 на 300 человек.

Реальные фанаты в Германии начали появляться лишь в 70-х. Прежде всего, они упали переняли «привычку» ходить на футбол в джинсовых жилетах со вставками, в которых они же ходили ранее и на музыкальные концерты так называемого «хэви-металла». После конца 70-х, вслед за такими фанатами, наконец появились и первые предшественники футбольных хулиганов, которые заполнили немецкие стадионы в 80-х годах. С этого времени на футбольных матчах и около стадиона периодически стали возникать драки и прочие околфутбольные конфликты и власти были вынуждены начать борьбу с футбольными хулиганами - и им удалось изгнать хулиганов со стадионов к началу 90-х. [8]

Фанатские группировки в Италии стали появляться с середины 60-х годов, а их корни уходят глубоко в политическую историю Италии.

Действительно, политика занимала центральное место в движении ультрас с самого его зарождения в конце 60-х годов. Основной причиной такого положения дел в послевоенной Италии стало довольно быстрое распространение политического конфликта на все сферы жизни общества, включая спорт.

В эпоху, когда уличные столкновения различных политических течений были повседневным явлением, эти группы формировались на основе определенных политических пристрастий, хотя центральное место в сердцах тысяч болельщиков по всей стране занимала их фанатичная и непоколебимая преданность команде.

Например, в Милане одноименный клуб стал командой традиционно «левого» рабочего класса, тогда как «Интернационале» представлял более богатый средний класс, что в результате обусловило большую поддержку «правых».

Не меньшее значение для развития ультрас имели организационные навыки, приобретенные итальянской молодежью на городских площадях и улицах. Такой опыт очень пригодился при стремительном развитии таких групп, как «Ля Фосса Деи Леони» («Львиное логово») у «Милана» в 1968 году и немногим позже «Бойз С. А. Н.» у «Интера» и «Ред энд Блю Коммандос» у «Болоньи».

Первые термин «ультрас» был использован фанатами двух клубов – «Сампдории» («Ультрас Тито Куччиарони») и «Торино» («Гранатовые ультрас»). Однако именно фанаты «Торино» первыми оставили свой след в истории итальянского футбола, устраивая практически на каждом матче пестрые театрализованные представления.

Следствием этого почина стало появление групп «ультрас» при всех крупных клубах, и, с учетом опыта английских фанатов и итальянской трибунной культуры, начал быстро формироваться новый стиль поддержки любимых команд.

В «Лацио», например, на смену традиционному «итальянскому стилю» поддержки, принесшему огромную популярность «Игле Саппортерс», пришел «английский стиль», который стал привлекать все большее количество фанатов по всей Европе. Именно на волне этого подражания в 1987 году появилась группа под названием «Иридучибилли».

Эта новая группа, не скрывающая своих крайне правых взглядов, вскоре подчинила себе Южную трибуну Олимпийского стадиона Рима и стала распевать песни, перенятые у английских болельщиков.

Подводя итог, можно сделать вывод, что движение спортивного хулиганства в том смысле, который мы вкладываем в него сейчас, возник в Англии, и оказал значительное влияние на данное движение в других странах, в том числе и в России. Причиной зарождения данных движений у разных стран разное – будь то политические, социальные и иные явления. С данным явлением необходимо считаться, и для этих целей необходимо знать истоки, и, только зная причину зарождения и развитие фанатизма, можно будет

разработать меры по предупреждению и устранению негативных последствий, как для обычных граждан, так и для самих фанатов.

Литература

- [1] <http://futzone.net/library/index.php?id=250>
- [2] <http://www.hockeyreview.ru/nhl/4562-draki-v-nkhl.-bit-ili-ne-bit.html>
- [3] <http://arsenal-london.biz/news/2012-02-23-681>
- [4] <http://harringtonjacket.ru/stati-o-harrington-jacket/2013-09-09/futbolnye-khuligany-istoriya-i-fakty>
- [5] Бримсон Дуги – Фанаты; Издательский дом: «Амфора», 2005
- [6] <http://futzone.net/library/index.php?id=250>
- [7] <http://futzone.net/library/index.php?id=250>
- [8] <http://ultras.wikia.com/wiki/%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F>

© Н.Ю. Шубин, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Н. Абдрахманов ПРАВО НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ КАК КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО	3
В.А.Басов ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОГОВОРА ЗАЙМА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	4
П.Н. Кобец ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	6
М.С. Курина РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ПОНЯТИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	7
В.И.Липендин ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА - ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ	10
В.А. Максимов СУБЪЕКТЫ, ОТКЛИКНУВШИЕСЯ НА ПУБЛИЧНО-ОБЪЯВЛЕННУЮ НАГРАДУ ОВД ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ ИЛИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ, РОЗЫСКА ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ, ДОЗНАНИЯ, СУДА	12
О.В. Поликашина АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	16
Е.А. Супонина ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫМ ДЕЯНИЕМ?	19
З.С. Троцко, В. В. Захарова СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ	21
Ю.А. Тымчук ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	24
М.Г. Фомина ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	26
М.Г. Фомина, И.Н. Горелова КОМПЕТЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	28

Г.М. Черняев, С.Г. Черняев О ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	33
Н.Ю. Шубин АНАЛИЗ ЗАРОЖДЕНИЯ СПОРТИВНОГО ФАНАТИЗМА ЗА РУБЕЖОМ, И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКИХ БОЛЕЛЬЩИКОВ	35

Научное издание

ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
10 февраля 2015 г.**

В авторской редакции

Подписано в печать 13.02.2015 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л.3,25 Тираж 500 Заказ № 195

Издательство "Аэтерна"
450076, г. Уфа, ул. Гафури 27/2
e-mail: info@aeterna-ufa.ru
Тел.: + 7 (347) 266 60 68